В мае 16-го года Чунчжэнь, за городом Кайфэн.

Ли Цзычэн осмотрел лагерь со своими войсками-нарушителями, посмотрел на бесконечные лагеря перед собой, улыбнулся и сказал: "Звания нашей армии добровольцев становятся все больше и больше!".

Солдаты, стоявшие рядом с ним, были в восторге и следовали за королем нарушителей вокруг Хэнаня и Шэньси, пели и гуляли, а на самом деле собрали полмиллиона мужчин и лошадей.

Ежемесячно потреблялись сотни тысяч мужчин и лошадей. Ли Цзычжэн по примеру провинции Фэнъян разделил землю в провинции Наньян, но как только прозвучал лозунг "без зерна", не удалось собрать ни одного рисового зерна.

Единственный способ получить пищу и сокровища, а также пополнить военный контингент - это продолжать атаковать города, но чем больше солдат, тем больше потребление, и чтобы накормить огромную армию нарушителей, Ли Цзычэн должен был продолжать атаковать города и продолжать цикл.

В старом лагере рычали военные лошади, слышались крики убийц, и солдаты тренировались как можно более организованно.

Ли Цзычэн слышал, что большинство офицеров и солдат со всех направлений для подкрепления, особенно в рамках ряда сильных войск и сильных генералов, старый лагерь и конная армия учения захватили еще крепче.

Что касается большей части пехотной армии, то требования Li Zicheng не высоки, пока они могут выстраиваться в очередь для боя, могут держать копье, чтобы нанести удар вперёд по линии, в конце концов, армия Мин ежедневно тренируется в мастерстве семейства Ян ах, до и после всего лишь нескольких ударов.

Десятки тысяч людей, практиковавшихся в орудийных формированиях, были довольно зрелищными, а также практиковались солдаты с мечами и щитами и лучники, очень похожие на это.

Когда Ли Цзычэн увидел в армии все больше больных людей, кашляющих, он не мог не хмуриться: "Почему с этими людьми до сих пор не разобрались?".

Марш на войну - самое табуированное из чумы, на этот раз чума была настолько плоха, что прорвавшаяся армия прошла через несколько мест, где были вымершие семьи, Ли Цзычэн должен был обратить внимание, он приказал убить всех солдат, зараженных чумой, или изгнать их, изгнать из лагеря и оставить их на произвол судьбы.

Генерал-нарушитель Тянь Цзяньсю вернулся: "Король-нарушитель, большинство из этих людей из других департаментов армии И, мы не очень хорошо избавились от них...".

Брови Ли Цзычэна подпрыгнули, и он ничего не сказал, его сердце стало рассчитывать, как получить полный захват дезертирующей праведной армии.

Несмотря на то, что они дезертировали, они служили ему только как король-нарушитель, а батальоны на самом деле все еще шли своим путем.

Тем не менее, в противозаконном батальоне были десятки тысяч лошадей и почти 200 000

пехотинцев, в то время как в большинстве других праведных армий были тысячи лошадей и от 10 000 до 20 000 пехотинцев, которые могли соперничать только с противозаконным батальоном.

Спустя долгое время Ли Цзычэн открыл рот и сказал: "Соберите лидеров различных батальонов, палатку средней армии для размышлений".

.....

В палатке лагеря для нарушителей были установлены несколько больших столов, а предводители различных праведных армий сидели в ряд, пили и гребли друг с другом, ожидая прибытия Ли Цзычэна.

Пиршества были богаты вином и овощами, в них было столько же кур, уток и рыбы, сколько и рыбы, поэтому люди выглядели аппетитно.

Один из вождей беспокоился: "Я слышал, что король-насмешник живет простой жизнью, разделяет боль и страдания со своими воинами, а питается только грубыми зернами и дикими овощами, будет ли это нарушением его табу для нас пить и есть здесь?".

Юань Шичжун с щелчком опустил бокал с вином и нахмурился: "Как это называется, за что мы восстали? Все дело в еде и напитках, не так ли? Такова жизнь, которой мы сейчас живем, и если мы собираемся жить тяжелой жизнью, то какой в этом смысл?"

"Да, хотя я восхищаюсь нарушителем как личностью, я прошу разницы в еде и питье!"

"....."

Толпа разговаривала, одни боялись Ли Цзычэна, другие презирали его от всего сердца.

Причина была в том, что когда Ли Цзычэн, как старик-богач, видел, как руководители различных лагерей пьют и веселятся каждый день, он был очень недоволен и часто ругал их наедине за то, что они были пьяницами.

После полугода общения с лидерами, Юань Сичжун и другие лидеры, перешедшие на сторону Ли Цзычэна, также почувствовали, что Ли Цзычэн полон недостатков, непоследователен как по внешнему виду, так и в реальности, и действовал так, как будто любил народ и был бережлив и бережлив.

Они даже наедине со своими подчиненными сказали, что Ли Цзычэн был полным отступником без денег на игру, так что неудивительно, что его жена сбежала с братом, чтобы присоединиться к суду!

В середине банкета, маленький лидер медленно смаковать свою чашку вина, его ледяное послесвечение до сих пор размер улюлюканья вождей вокруг него время от времени.

Его звали Ван Чжэнь, в начале двадцати лет, уроженец Хэнаня, с тигровыми глазами и саблевыми бровями и свирепым взглядом, на первый взгляд, он не выглядел хорошим человеком.

Два года назад Ван Чжэнь упал в траву в уезде Йе и стал бандитом по прозвищу Тигр Чжэньтянь, который поднялся на видное место в армии добровольцев благодаря своим превосходным навыкам и поднял силу из восьми тысяч человек.

После вторжения в Лоян Ван Чжэнь привез 8000 человек и лошадей, чтобы присоединиться к Ли Цзычэну, и едва был включен в таблицу конца, чтобы послушать, как здесь болтают большие шишки, но больше всего он хотел присоединиться к старому лагерю армии вторжения, однако старый лагерь был строго проверен, и попасть внутрь было очень трудно.

"Прибыл король-нарушитель!"

С громким криком все в палатке опустили палочки для еды и стали сдержанными, даже Юань Шичжун, который был самым громким и красноречивым, вдруг заткнулся и опустил куриную ножку, почувствовав себя менее ароматным.

Ли Цзычэн и группа вторгшихся генералов встали в палатку и привыкли подбрасывать кулаки к окружающим предводителям различных праведных армий: "Приветствую вас, братья"!

"Нарушитель!" Люди возвращали салют по очереди, ведя себя как теплые братья.

На этот раз они пришли, чтобы обсудить этот вопрос, но еда и питье были лишь мелочами, поэтому они поспешили приказать людям убрать банкет и сесть вместе.

Разговор был полон циньских акцентов. Обсуждая военные дела, они, в основном, обсуждали между собой, и хотя лидеры были недовольны, они не осмеливались действовать.

Первый раз я увидел это, когда я был посреди битвы, и второй раз я увидел это, когда я был посреди битвы, и третий раз я увидел это, когда я был посреди битвы.

Когда я впервые увидел это, я подумал, что это хорошая идея.

Ли Цзычэн оглянулся вокруг круга генералов и сказал: "Сегодня я вызвал вас всех сюда, в основном потому, что я хочу поздороваться с вами, чума бушует на улице, наша армия не должна быть неподготовленной ах, я надеюсь, что руководство каждого батальона, может взять на себя инициативу по удалению тех, кто заражен чумой в их соответствующих батальонах".

Как только он закончил говорить, один из них заговорил и спросил: "Смею ли я спросить нарушителя, как их убрать?".

Ли Цзычэн прищурился одним глазом и посмеялся: "Естественно, мы их прогоним или похороним".

Лидер задал вопрос: "Означает ли царь-нарушитель, что он хочет, чтобы мы убили наших собственных братьев?".

Он продолжил: "Мы вышли восстать, мы поклялись, что разделим вместе благословения и страдания, но теперь мы бросаем нашего брата, потому что он болен, что это за верность!".

"Кто ты, блядь, такой? Как ты смеешь так разговаривать с нарушителем!"

Ему было около сорока лет, он был одет в тяжелый костюм из железных доспехов, с обвязкой, смелым видом, короткой бородой и разгневанным голосом.

Лидер совсем не испугался и сказал: "Я - Шаньси Ву Юшэн!".

Лю Зонмин засмеялся и сказал: "Значит, ты маленький воришка, который занимает гору как король, и ты достоин так говорить с нарушителем, с этими тысячами тощих, обезьяноподобных

беженцев под тобой?".

У Юшэн засмеялся и сказал: "Хаха, я маленький вор, который занимает гору, как король, не так ли? Пятьдесят шагов, чтобы посмеяться над сотней шагов, поколением, которое самообманывается!"

Лю Зонмин был в ярости и пил: "Мех твоей матери, ты устал от жизни, посмотрим, не порежу ли я тебя заживо!"

Когда Лю Зонмин собирался нанести удар, Ван Чжэнь взглянул на Ли Цзычэна, который был во главе толпы. Он не сказал ни слова, так что он знал, что пытается сделать заявление.

Когда У Ю Шэн увидел, что кто-то напал на него, он поспешно размахивал мечом для контратаки, но Ван Чжэнь легко уклонился.

Ван Чжэнь, с яростным выражением лица, ударил его в спину тяжелым ударом локтя, а затем быстро ударил его в грудь.

Прозвучал скучный удар, и глаза Ву Юшэна внезапно расширились, кровь распространилась по его глазам, его лицо стало бледным, как свиная печень, и он упал прямо.

Два старых солдата из лагеря отправились на расследование, их лица были слегка шокированы, и сообщили Ли Цзычэну: "Нарушительница, он мертв, грудина у него вся разбита, а вена сердца разбита одним ударом".

Лю Зонгмин воскликнул: "Хороший парень! Прикончи этого парня одним ударом, хорошо!"

Ван Чжэнь только слегка кивнул, все еще с холодным лицом, он был известен своим холодным лицом, так как партнерство, люди вокруг никогда не видели его улыбкой, некоторые люди также называли его тигром с холодным лицом.

Ли Цзычэн на мгновение посмотрел на него, прежде чем сказал: "Как тебя зовут, зачем ты его убил?".

Ван Чжэнь сказал: "Я - Чжэньтский Тигр, Ван Чжэнь! Чума очень опасна. Он не подчинился распоряжению короля изолировать больных и хотел умереть, поэтому я позволил ему умереть!"

Ли Цзычэн кивнул головой, невозмутимо: "Ты убил братьев праведного войска, я должен был казнить тебя по завету, учитывая, что ты учитываешь общую ситуацию, я отпущу это дело, здесь тебе не место, убирайся".

Толпа шептала, а некоторые тайно высмеивали, что этот Чжэньцзянский Тигр хотел лизать Ли Цзы Чэн Гань, как ястребиную собаку, но не ожидал, что его отвернут, какой позор!

Лю Зонмин собирался убедить, но когда увидел серьезное лицо Ли Цзычэна, ему пришлось проглотить его слова.

Лицо Ван Чжэня не изменилось, все еще холодное, и он вышел из палатки, не сказав ни слова.

http://tl.rulate.ru/book/41393/1046820